

Воспоминанія

I.

Дѣтство. Деревня.

На высокомъ берегу впадающей въ Угру Шани, трудолюбиво обслуживающей турбины писчебумажной фабрики, стоитъ построенный широкимъ покоемъ желтый съ бѣлыми колоннами двухъэтажный домъ. Противъ главнаго подъѣзда, за традиционнымъ кругомъ акаціи, красуется гордость губерніи, построенная согласно устному преданію по проекту Растрелли, небольшая церковь. Съ сѣверо-востока ее охватываетъ тихій міръ прицерковнаго погоста: приземистые, все больше покосившіеся деревянные кресты, среди густыхъ кустовъ сирени и жасмина, а въ дальнемъ углу, гдѣ изъ-за кирпичной стѣны въ дождливую погоду хозяйственно попахиваетъ навозцемъ — крапива да лопухъ.

На конномъ дворѣ стоятъ до шестидесяти лошадей. Что помельче, прилежно хлопчутъ въ доходномъ прифабричномъ имѣніи: лѣсопилка, кирпичный заводъ, торфяныя болота. Громадные-же битюги, мѣрно мотая чуть ли не аршинными головами подъ тяжелыми дугами, изо дня въ день шагаютъ по ведущему въ Москву шоссе, доставляя на Николаевскій вокзалъ тяжелые тюки высококачественной писчей бумаги, главнымъ образомъ дорогаго картона для игральныхъ картъ.

Отецъ — главный директоръ извѣстныхъ на всю Россію писчебумажныхъ фабрикъ. Мы занимаемъ прекрасную служебную квартиру въ 10 комнатъ. Помню зеленовато-коричневый полумракъ отцовскаго кабинета, лунный свѣтъ маминной мягкой гостиной, обитой голубымъ бархатомъ, душистый утренній воздухъ въ открытыхъ окнахъ нашихъ большихъ дѣтскихъ и всегда залитой золотымъ солнцемъ — вѣроятно, это царственный обманъ благодарной памяти — двусвѣтный, въ цвѣтахъ и растеніяхъ, залъ, съ двумя высокими, стеклянными дверями на охватывающій весь фасадъ дома балконъ. Когда похожий на

сумасшеднаго факира «артистъ эксцентрикъ», мелодекламаторъ и гримиро-мимико-портретистъ», «проѣздомъ въ Москву и Петербургъ» давалъ на фабриктъ свое «гала-представленіе», на немъ собрались и легко помѣстились всѣ служащіе фабрики со своими чалами и домочадцами. Подъ балкономъ, съ котораго лѣтомъ бывало такъ весело смотрѣть на разбросанные по зеленому газону яркіе, цвѣточные орнаменты — входъ въ сырую, душную, пахнущую землею оранжерею, съ таинственной и страшноватой лѣстницей въ дальнемъ углу за пальмами; по ней можно было иной разъ незамѣтно пробраться въ биллиардную, затѣйливую комнату съ каминомъ, очень высокими — чтобы всякому зрителю было видно, что происходитъ на зеленомъ сукнѣ — кожаными диванами вдоль стѣнъ и кѣями въ особыхъ стойкахъ. Зимними вечерами здѣсь разгорались настоящіи страсти и намъ съ братомъ бывало безконечно весело смотрѣть, какъ кто-нибудь изъ заѣзжихъ игроковъ, выбросивъ впередъ руку и по птичьему вытянувъ назадъ ногу, звонкимъ ударомъ направлялъ бѣлаго въ лузу.

Отецъ по всей своей сущности не былъ ни инженеромъ, ни коммерсантомъ, а случайно не состоявшимся ученымъ-естественникомъ. Больше всего въ жизни онъ любилъ сельское хозяйство и охоту. На заднемъ дворѣ за паркомъ у него подъ надзоромъ страннаго человѣка, котораго всѣ почему-то звали азіатомъ, размѣренно жили своею профессионально-спортивною жизнью около тридцати охотничьихъ собакъ. Тутъ были: грудастыя какъ боксеры, черныя, съ круглыми желтыми бровями и подпалинами гончія, плоскоголовыя, съ изогнутыми хребтами дегенеративно-аристократическія борзья и мои любимцы — женственно-печальнооокіе сеттера, съ длинною шелковистою шерстью. Шумные, охотничьи рассказы отца и его знакомыхъ о томъ, какъ борзья всякъ на «матеромъ» волкѣ, приводили насъ съ братомъ въ большой восторгъ. Надо ли говорить, что наслушавшись такихъ рассказовъ, мы въ отсутствіе отца часто вбѣгали въ его усталый волчьими шкурами кабинетъ, лихо «сѣдлали» подбитыхъ зеленымъ сукномъ «матерыхъ» и, схвативъ лѣвою рукою волчью загривки, безпощадно прокалывали деревянными книжалами слегка пахнущія нафталиномъ сердца нашихъ жертвъ.

Лучшая пора деревенской жизни — лѣто. Какое неописуемое счастье выскочить рано поутру изъ постели, быстро одѣться, быстро выпить чаю и въ припрыжку пронестись по саду, парку, заглянуть на птичій дворъ, гдѣ, наливая кровью свои склеротическіе, генеральскіе черепа и подбородки, за-

бавно чванятся индѣйскіе пѣтухи, нервно подергиваютъ своими кокетливо-миниатюрными головками почему-то по вдовьи одѣтыя Господомъ Богомъ цинзарки и истощимымъ крикомъ предупреждая міръ о какой-то имъ однимъ вѣдомой опасности, смѣшнымъ пѣшимъ летомъ вдругъ сносятся къ тинистому пруду гуси и утки. Какое счастье послѣ птичьяго заглянуть на скотный дворъ, гдѣ рационально кормятся и доятся соловья сementалки и чернопѣгія холмогорки — странныя существа съ задумчиво устремленными вдаль бессмысленными глазами и гдѣ взволнованно хрюкають, чавкають и повизгиваютъ іоркширскіе свиньи и борова, аристократическіе соотечественники основателя фабрики Говарда, вислошекаго, тупоносаго, но все-же весьма благообразнаго англичанина, большой портретъ котораго виситъ надъ письменнымъ столомъ отца въ фабричной конторѣ...

Въ Россіи даже по мелочамъ западъ непременно окажется рядомъ съ востокомъ: перемахнувъ черезъ заборъ, мы съ братомъ уже сидимъ на крыльцѣ у татарина кумысника, котораго вмѣстѣ съ тремя ребрастыми кабылами отецъ ежегодно «за гроши» выписывалъ на лѣто, свято вѣря въ цѣлительную силу остро-кисловатаго напитка. Отведенная подъ татарское жильѣ и производство изба стоитъ недалеко отъ прачечной, у открытаго окна которой цыганистая красавица Груня, веселая и голосистая женщина, цѣлыми днями крахмалитъ и гладитъ дамскіе наряды. Нѣжно колеблемые утреннимъ вѣтромъ, они на длинныхъ шестахъ-вѣшалкахъ ежедневно проплываютъ разноцвѣтными облаками въ большой барскій домъ. У насъ каждое лѣто съѣзжается много гостей. Трудъ, по городскимъ понятіямъ, въ деревнѣ даровой. Вотъ и гофритъ Груня не разгибая спины кружевныя жабо, кофточки и платья, чтобы черезъ день, другой, снова бросить ихъ въ корыто съ мыльной водой. Боюсь, не вступила-ли милая Груня, голось которой я подросткомъ такъ любилъ слушать въ саду на вечерней зарѣ, въ большевицкую партію. Если и вступила, если и громила господъ, кто осудить ее? Въ теченіе всей нашей деревенской жизни никто въ барскомъ домѣ ни разу не задумался надъ смысломъ ея стоянія у открытаго окна, не пожалѣлъ ея поистинѣ сизифовой работы и ея прекраснаго, быть можетъ опернаго голоса.

Время летитъ. Намъ надо послѣтъ еще въ самый дальній уголь парка, гдѣ помѣщается съ трудомъ переносимое матерью любимое дѣтище отца — «вонючій» звѣринецъ. Въ крѣпко слаженныхъ и какъ въ заправскомъ зоологическомъ

саду обставленныхъ деревьями, пнями, камнями и колесами кѣтъкахъ сидятъ, лежатъ, кружатся, скучаютъ и волнуются волчата, лисицы, куницы, хорьки, бѣлки, ежи, ястреба, совы и всякая иная лѣсная и полевая живность и нечисть средней полосы Россіи. Особую брезгливость мать испытываетъ къ непрерывной, хвостатой суетнѣ всевозможныхъ крысъ, мышей и змѣй.

Долго заглядываться на все это звѣрье намъ съ братомъ впрочемъ не приходится. Ровно въ 8 мы верхами выѣзжаемъ навстрѣчу нашему учителю, Ивану Васильевичу Власову, очень еще молодому человѣку съ ласково-застѣнчивой улыбкою, съ ласково свѣтящимися глазами и съ непослушною пепельною кудрею надъ лѣвою бровью. Мама, очень серьезно относящаяся къ своимъ обязанностямъ попечительницы народной школы, завѣдывать которой, не безъ ея вліянія, былъ съ годъ тому назадъ приглашенъ молодой учитель, упорно отстаиваетъ его какъ «искренняго идеалиста» и, главное, какъ «убѣжденнаго народника». Мы съ братомъ, конечно, безъ ума отъ этого тайнаго революціонера. И дѣйствительно, его преподаваніе русскаго языка и исторіи, живое и интересное, со-всѣмъ не похоже на прекрасно продуманные, но нѣсколько педагогичные уроки нѣмецкаго и французскаго языковъ нашей гувернантки, фрейленъ Штраусъ, въ распоряженіе которой мы поступаемъ къ 11-ти часамъ утра, послѣ того, какъ въ перерывѣ сбѣгаемъ поздороваться съ мамой, пьющей въ это время утренній чай на задней тѣнистой террасѣ и совѣщающейся съ Афимьей, что готовить на вечеръ и къ завтрашнему обѣду. «Какъ скучно, иной разъ жалуется мама, каждый день выдумывать, что готовить, а Афимья, у которой много усердія, но никакой фантазіи, никогда не предложитъ ничего новаго: все битки да бефъ-строгановъ, блинчики да «шпанскій вѣтеръ» (шпанскимъ вѣтромъ называлось у насъ безъ со сбитыми сливками, которое мастерски готовилъ старый поваръ Авдѣй, рассчитанный за то, что неискоренно усвоилъ себѣ странную привычку — фунтами бросать масло въ огонь, чтобы «дружнѣе» разгорались дрова).

«Красный» Иванъ Васильевичъ и буржуазно-аристократическая англо-германка Штраусъ, въ своей молодости изучавшая педагогику въ Швейцаріи, такъ упорно трудятся надъ нашимъ обученіемъ, потому что мама очень боится, какъ-бы мы не провалились на пріемномъ экзаменѣ во второй классъ реального училища (отецъ твердо высказался противъ классическаго образованія). Что намъ съ братомъ, хотя мы довольно

способны и вовсе не лѣзныя дѣти, учиться жаркимъ, веселымъ лѣтомъ никакъ не охота — ясно. Мы и не очень стараемся; мама иной разъ приходитъ въ отчаяніе, но втайнѣ намъ сочувствуетъ, и, пугая проваломъ, послѣдняго лѣта нашего прекраснаго дѣтства намъ, слава Богу, не портитъ. А прекраснымъ оно дѣйствительно было, наше благоуханное, наше благословенное — о, сколько разъ и великими и малыми писателями уже воспѣтое, щедрое, барское, русское дѣтство.

Не сорвись наша жизнь со своихъ корней, не вскипи она на весь міръ смрадными лучинами своего вдохновеннаго окаянства, въ памяти остались-бы одни райскія видѣнія. Но Русь сорвалась, вскипѣла, «взвихрилась». Въ ея злой бѣдѣ много нашей собственной вины передъ нею. Кто это совѣстью понялъ, тому уже не найти въ прошломъ ничѣмъ не омраченныхъ воспоминаній.

Въ блужданіяхъ по далямъ прошлаго человѣку вѣдомы совершенно такіе же подъемы на вершины, съ которыхъ все какъ на ладони, что и въ его странствіяхъ по земнымъ просторамъ. Съ такой вершины міръ моего деревенскаго дѣтства видится мнѣ неохватною ширью и далью небесъ, полей, рѣкъ, лѣсовъ, снѣга, дождей... Природы въ немъ безконечно больше, чѣмъ комнатъ, учебы, чтенія и даже людей. Много только еще-музыки, главнымъ образомъ пѣнія. Поетъ мама и ея часто гостящая у насъ подруга.

Прошлое почти всегда живетъ борьбою съ настоящимъ. Не оттого-ли, что въ большевицкой Россіи перестали звонить колокола, небесные своды моего дѣтства вспоминаются мнѣ въ непрерывныхъ благовѣстныхъ оглашеніяхъ коздровской церкви.

Зимой, когда заваленная снѣгомъ деревня бывала такъ благодатно тиха, мощная, гулкя и все-же мелкимъ дрожаніемъ дрожащія волны колокольнаго звона съ такою силою врывались въ приоткрытую форточку (изъ окна въ дѣтской можно было увидать, какъ ловко перехватываетъ по веревкамъ старикъ звонарь), что казалось, звонятъ не на колокольномъ, а въ домѣ, прямо тебѣ въ ухо.

Лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ, благовѣсть даже и по самымъ большимъ праздникамъ какъ-то меньше замѣчался, отделялъ отъ ушей, расплывался по міру. Въ Троицынъ и Спасовъ день, въ Воздвиженье, нарядная, пахнувшая дегтемъ, деревяннымъ масломъ, кумачемъ и махоркой деревенская толпа заливала не только церковный, но и задній барскій дворъ. Я конечно верчусь у коновязи. Изъ-подъ ногъ у меня то и дѣло вспархиваютъ задорно-веселые, драчливые воробы. Я влю-

бленъ во всѣхъ лошадей и всѣмъ своимъ существомъ чувствую, какъ непередаваемо мягки и нѣжны, отрывающіяся ради сахара на моей ладони отъ вялой травы, теплыя, морщинистыя, лошадиныя губы, какъ безконечно кротки, печальны и внутреннимъ свѣтомъ теплы милые, лошадиныя глаза надъ ветхою рядовою горбъ. /

Шестой августъ — яблочный Спасъ — въ деревнѣ большой праздникъ. На весь мѣръ пахнетъ скороспѣлою грушовкой. Въ сосѣднемъ саду штабсъ-капитанской вдовы Жучихи, сдаваемомъ въ аренду, въ этотъ день кипитъ особо упорная борьба между вооруженнымъ шалашомъ и шустрой, босоногой партизанщиной. У садовой калитки не умолкаетъ разноголосый вопль: «яденька, дай яблочко».

Въ церкви идетъ служба. Райски сладостный, земной духъ яблока сливается съ благовонными струеніями ладона. Не только душой, но всѣмъ своимъ тѣлеснымъ составомъ ощущаешь, какъ земля возносится на небо, а небо нисходитъ на землю. Кажется, никто еще не выразилъ того христіански-плотнаго, домашне-хозяйственнаго ощущенія Божьей земли, безъ котораго немислима никакая деревенская, все равно помѣщачья-ли, крестьянская-ли жизнь, съ такою краткостью и полнотою, какъ подлинный сынъ трудового, православнаго міра и выдуманной эпохой и самимъ собою коммунистъ Есенинъ, въ своей имеславски-литургической строкѣ: «Пухнетъ Божье Имя въ животѣ овцы». Есенинъ и большевизмъ очень большая и сложная тема. О ней рѣчь еще впереди. Пока же вернемся полъ своды моего родного, калужскаго неба. Право, оно никогда не было столь однообразно, какъ въ свое время любили говорить просвѣщенные цѣнители западно-европейскихъ куртозовъ.

Жаркими, лѣтними днями надъ зычною, словно трубная мѣдь, желтизною необъятныхъ ржаныхъ полей, а равно и зимними морозными утрами, когда подъ встрясы бубенцовъ на пристяжныхъ, ковровыя сани на пѣвучихъ полозьяхъ самолетомъ проносились среди синихъ въ серебрѣ сугробахъ, оно бывало такимъ густымъ, такимъ сапфирно-яркимъ, какъ я его много лѣтъ спустя увидѣлъ на столь далекой отъ средней Россіи итальянской Ривьерѣ. Слова предсмертной записки несчастнаго марсельскаго самоубійцы: «а въ Тулѣ небо было ярче» — не такое уже преувеличеніе, въ особенности если принять во вниманіе преображающую силу тоскующей памяти.

Совсѣмъ инымъ вспоминается оно мнѣ «осеннею порою». Да, я утверждаю, что нигдѣ въ мѣрѣ надъ отходящею къ зим-

нему сну землею не поднимаются ввысь и не иставляютъ въ ней тѣ исполненныя свѣтлой печали и нездѣшняго звучанія небеса, подѣ которыми въ моей душѣ зародилось и выросло все, чѣмъ я сейчасъ живу и съ чѣмъ сойду въ могилу. И поныѣ, слыша въ себѣ музыку этихъ священныхъ дней, я вполне понимаю, какъ въ юной, но древней душѣ Бунинскаго Арсеньева могла въ Россіи зародиться и въ Россіи же вырасти любовь къ готикѣ и къ звуку органа.

Эти готическіе и все-же русскіе, торжественные и все-же скромные, непередаваемо тихіе сентябрьскіе дни (колодезная-ли бадья ударится о стѣнку сруба, схоронившееся-ли яблоко сорвется съ вѣтки — все слышно) постепенно смѣнялись со-всѣмъ иными, поздне-осенними, хмурыми днями. Кто изъ насъ, выросшихъ въ деревнѣ, не знаетъ томящей скуки этихъ, быстро сокращающихся дней? Клочковатое, свинцовое небо мокрымъ брюхомъ низко нависаетъ надъ лочерифвшеею соломою избъ и сараевъ. Передъ надворными службами рябятъ огромныя, непросыхающія лужи, черезъ которыя съ трудомъ перепрыгиваютъ мужичьи сапоги. Бабы, обмотанныя всякимъ старьемъ, съ коченѣющими отъ холода лиловыми руками, дорубливаютъ подѣ навѣсомъ капусту. За оконными рамами, еще одичавшими и въ печныхъ трубахъ словно безумный воетъ и причитаетъ вѣтеръ. Уже недѣлю обѣщающей пройти и все снова принимающей лить дождь уныло барабанить по стекламъ классной комнаты и по нервамъ фрейленъ Штраусъ. Она не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки, а мы не знаемъ, куда дѣваться отъ ея нервозъ.

Такъ въ быстромъ летѣ дней, отъ первой весенней капли до первой зимней пороши, отъ первой выставляемой рамы съ «протарарыкивающей» по шоссе телѣгой до первой вставляемой, съ протопливаніемъ слегка дымящихъ печей, протекаетъ наша дѣтская жизнь. Какая-бы не стояла на дворѣ погода, у насъ на душѣ всегда солнечно. Ссоры съ братомъ, слезы, болѣзни, назиданія фрейленъ Штраусъ и мамыны огорченія нашимъ шалостями — всего этого, о чемъ я знаю, мнѣ съ вершины моей памяти уже не видно.

Если я сейчасъ сяду въ то кресло моей комнаты, въ которомъ я никогда не пишу и не читаю, въ которомъ лишь «пролетаю въ года — умереть» *) и привычнымъ движеніемъ души заботливо наложу на грамофонный дискъ моей памяти не стирающуюся отъ времени пластинку, съ золо-

*) Вариантъ строки А. Бѣлаго.

тою надписью «дѣтство», то передъ моими глазами поплывутъ одна за другой райскія картины той жизни, за которую сейчасъ такъ страшно расплачивается Россія. Часто думаю: за что и для какихъ цѣлей спасла меня отъ этой расплаты судьба?....

По зеленой обочинѣ екатерининскаго большака, подъ низко свисающими вѣтвями уже загрустившихъ желтизною березъ, мягко катится — дышло по колеѣ — глубокая коляска на резиновомъ ходу. Я сижу на откидной скамейкѣ. Противъ меня мама, въ наглухо застегнутомъ сѣромъ, шелковомъ пальто отъ пыли, а рядомъ съ нею молодая женщина въ желтомъ платьѣ и черной накидкѣ безъ шляпы. Женщина эта очень оживленно разговариваетъ съ мамой; ея грустные, каріе глаза блестятъ неестественнымъ блескомъ, на ея слегка скуластомъ лицѣ горятъ пятна румянца, а влажныя губы то и дѣло горячо открываются надъ ровными, бѣлыми зубами. Я знаю, что новая мамина подруга — жена недавно поступившаго на фабрику инженера Филатова. Я чувствую, что вокругъ нея кружится какая-то грустная тайна. Эта тайна въ моемъ сознаніи связывается съ непонятнымъ мнѣ словомъ «туберкулезъ», какъ-то брошенномъ взрослыми во время разговора о Филатовыхъ, и я твердо увѣренъ, вѣроятно по звуковой ассоціаціи съ туберозой, что туберкулезъ очень красивый цвѣтокъ. Связь сидящей противъ меня женщины съ какимъ-то невѣдомымъ цвѣткомъ меня тревожить и плѣняетъ. Очень мнѣ тоже нравится, что ее зовутъ необыкновеннымъ именемъ — Любовь Мильевна. Она дѣйствительно очень мила и я чувствую, что я ее какъ-то по особенному люблю, совсѣмъ иначе, чѣмъ маму.

Позади коляски, играя нервными ушами и гнѣвно разбрызгивая плѣну съ мундштука, взволнованно идетъ вороной жеребецъ Падишахъ; надъ его головою ритмически приподымается и опускается мощная, плотная, но изящная фигура всадника въ свѣтлой фетровой шляпѣ и свѣтлыхъ желтыхъ перчаткахъ. И лошадь, и всадникъ какъ-то не по русски нарядны и картинны. Это красуется старшій инженеръ фабрики, балтіецъ съ польской фамиліей — Рынкевичъ.

Съ зеленого большака коляска сворачиваетъ на пыльный проселокъ, мягко вьющійся между скошеннымъ лугомъ и ветхимъ заборомъ полуразрушенной усадьбы. Надъ поломанными зубьями забора кое-гдѣ свисаютъ золотые подсолнухи и огненно-пышные георгины. Я вижу, какъ всадникъ быстро подскакиваетъ къ забору, срываетъ нѣсколько цвѣтковъ, и, догнавъ насъ, ловко бросаетъ ихъ на синій фартукъ коляски.

Перепрыгнувъ придорожную канавку, онъ черезъ секунду гарцуетъ по лугу. Не переставая разговаривать съ Любовью Мильевой, сидящей слѣва отъ нея, мама черезъ свое правое плечо смотритъ на поляну и ея прекрасные, сѣрые глаза разсѣянно улыбаются дали. Во мнѣ подымается какое-то странное, мнѣ непонятное чувство: дѣти очень ревнивы.

На довольно большомъ разстояніи отъ коляски, — чтобы не глотать пыли — прилежно поспѣваетъ ровною рысцою, запряженная въ тяжелую охотничью линейку, папина тройка мелкорослыхъ, но очень выносливыхъ сибирячковъ. На линейкѣ кромѣ отца сидятъ мамина двоюродная сестра Машенька, влюбчивая, восторженная дѣвушка, только-что кончившая консерваторію и обожающая по вечерамъ, въ особенности при лунѣ, то бравурить въ залѣ расподіями Листа, то вздыхать нокторнами Шопена, Филатовъ — сырой, крупный человѣкъ въ круглыхъ очкахъ на кругломъ мясистомъ носу (его внѣшность у меня въпослѣдствіи нерасторжимо слилась съ внѣшностью Пьера Безухова), Иванъ Васильевичъ, со своею врагинею, фрейленъ Штраусъ, братъ, по прозвищу Липочка и гончій кобель «Догоняй».

Почему какъ-то внезапно оживилась помѣщичья жизнь на берегахъ Угры и Шани, почему чуть-ли не каждую недѣлю, чаще всего по субботамъ и воскресеньямъ, въ живописные мѣста уѣзда стали съѣзжаться линейки и коляски подь «дарвалданье» (въ такой, къ слову сказать, очень убѣдительный глаголь слился у меня въ дѣтствѣ слова извѣстной пѣсни: «И колокольчикъ, даръ Валдая, запѣлъ уныло подь дугой») колокольчиковъ и бубенцовъ, я объяснить не могу. Думаю, что главную роль въ этомъ подъемѣ жизни сыграла мама, съютившая вкругъ себя своею артистичностью и музыкальностью всѣхъ наиболѣе интеллигентныхъ, живыхъ служашихъ фабрики и перезнакомившая ихъ съ прозябшими по своимъ угламъ помѣщичьими семьями. Московскіе гости, которыхъ всегда много съѣзжалось къ намъ на лѣто и осень, играли въ этомъ подъемѣ большую роль: казались многимъ провинціаламъ чѣмъ-то особенно интереснымъ и поэтичнымъ.

Естественно, что среди этой молодой компаніи быстро рсцнцнла та атмосфера подсознательной перекрестной влюбленности, которая, волнуя тоскующую души, еще не обременяетъ супружеской совѣсти. А гдѣ же вольнѣе, безпечнѣе и слабше аукаться чего-то небывалаго ждущимъ отъ жизни сердцамъ, какъ не въ благоуханно-тепломъ, медленно темнѣющемъ лѣсу, на опушкѣ котораго въ густомъ надрѣчномъ кустарникѣ по

веснамъ шелкають соловьи, эти невзрачные герои всѣхъ лунныхъ сказокъ жизни, лѣтомъ изъ глубины зазываютъ въ дали бездомныя кукушки, а осенью пугаютъ слѣпые на солнечномъ свѣтѣ сычи...

Наѣзжали въ Шаняновскій лѣсъ самые разные люди: старозавѣтные борзятники Мажаровы, съ девятнадцатилѣтней дочкою Женей, часами ожидавшей у окна своей «свѣтелки», не замретъ ли за рѣкой у парома колокольчикъ, не свернетъ-ли кто-нибудь на дорогу въ Мажарово, развѣять сонъ и скуку отчаго дома, гдѣ поваръ въ бѣломъ колпакѣ ежедневно готовить рубленныя котлеты съ тараканами и всѣ диваны полны огромныхъ собачьихъ блохъ; морской офицеръ въ отставкѣ, печальный вдовецъ Крашенинниковъ, холеный, чистенькій, неизмѣнно одѣтый въ синій костюмъ человѣкъ, со своею дочерью Аничкой, петербургской курсисткой, увлекавшейся, какъ я впоследствии узналъ, Маркомъ и Бодларомъ и заплатившей за пророческій складъ своей души тяжелымъ душевнымъ недугомъ, приведшимъ ее, очаровательную двадцатилѣтнюю дѣвушку, боготворимую отцомъ наследницу благоустроеннаго имѣнія, къ самовольному уходу изъ жизни; помню, какъ заплаканная мама передавала кому-то послѣднія слова ея письма къ отцу: «для себя жить не стоитъ, а для другихъ не умѣю».

Непремѣнной участницей всѣхъ пикниковъ и деревенскихъ развлеченій, вплоть до большихъ псовыхъ охотъ, была Марія Николаевна Чертова, жгучая, плосколицая дама съ испанскимъ гребнемъ въ высокой, туго закрученной, прическѣ. Дама эта обладала огромнымъ низкимъ альтомъ, разносившимся съ линейки, на которой она почему-то всегда особенно громко пѣла, съ поистинѣ іерихонскою зычностью. Съ ней былъ неразлученъ, съ году на годъ все больше нишавшій помѣщикъ, съ комическою наружностью курносаго донъ-Кихота: усы, эспаньолка и грустный взоръ съ постоянно дрожавшею въ немъ верхнею нотой цыганскаго романса. Этотъ гидальго Медынскаго уѣзда былъ страстнымъ любителемъ картежной игры. Когда у насъ раскрывались зеленые столы, онъ первымъ садился за карты и тасуя ихъ неизмѣнно напѣвалъ прокуреннымъ баскомъ: «собирайтесь игроки, вынимайте кошельки». Кончилъ онъ плохо. Проигравъ все, что было за душой, онъ обмѣнялъ послѣднюю, давно уже рыскавшую по крестьянскимъ дворамъ борзую на каравай хлѣба и вышелъ съ этимъ караваемъ подмышкой легкою походкой изъ воротъ своей усадьбы. Какъ можно было въ Россіи девяностыхъ годовъ дойти до та-

кого конца — непонятно! Не то преступная безответственность, не то святая безпечность.

Теплый, августовскій вечеръ. Иванъ Васильевичъ старательно затаптыкаетъ костеръ, къ которому весь вечеръ таскала хворостъ и можжевелникъ отъ комаровъ. Фрейленъ Штраусъ скатываетъ пледъ «шотелэнъ экоссе», явно недовольная тѣмъ, что мы опять поздно ляжемъ спать. Макуши сосенъ все гуще наливаются вечернимъ сумракомъ. Въ фонаряхъ маминой коляски уже зажжены толстыя стеариновыя свѣчи; въ сущности онѣ не къ чему, но маминъ кучеръ, выписанный изъ Москвы, очень любитъ цивилизационныя достиженія. Вокругъ фонарей глубокой мракъ. Изъ его глубины, какъ будто-бы откуда-то издали, подъ тихіе переборы вѣроломной гитары, доносятся задумчиво-печальные голоса. Поютъ мама и Любовь Мильевна. Эта пѣсня обь отливѣ — «Въ отлива часъ не вѣрѣ измѣнѣ моря» — вызываетъ въ моемъ сердцѣ бурный приливъ какихъ-то сладостно-щемящихъ чувствъ.

Сборы окончены. Подъ колесами трещать сучья, экипажи медленно выѣзжаютъ на проселокъ и сворачиваютъ на шоссе, по которому въ этотъ поздній, для деревни уже ночной часъ (по холодку лошадамъ легче) тянутся нагруженные заштопу въ рогожи бумагою ломовыя полки. Ломовики поспѣшно сдерживаютъ картузы и хватая битюговъ подъ уздцы, безъ всякой на то надобности, ради одного только почтенія, круто сворачиваютъ на обочину. Вотъ послѣдняя передъ ярко освѣщенными фабричными корпусами (работаютъ въ двѣ смѣны) деревня. Уже давно спать она крѣпкимъ, праведнымъ сномъ. Лишь гдѣ-то вдали за околицей наяриваетъ полупушная фабричная гармоника. Встрѣчаемые и провожаемые собачьимъ брехомъ (впереди верхомъ Рынкевичъ, за нимъ коляска, линейка и шарабанъ, въ которомъ Марія Николаевна со своимъ поклонникомъ ѣдутъ къ намъ ночевать), мы съ грохотомъ, звономъ и пѣснями, словно на пожаръ, несемся сквозь тихую, мирную ночь.

Четкій топотъ копытъ по деревянному настилу плотины. Лихой взлетъ въ гору къ освѣщенному крыльцу. У крыльца уже ждутъ молодая, расторопная горничная Лиза и вѣчно хмурый въ сѣрой тужуркѣ лакей Николай, къ христіанскому имени котораго почему-то всѣми нами прибавлялось цирковое «рыжій», хотя Николай, по цвѣту своихъ не слишкомъ обильныхъ волосъ вокругъ ранней лысины, былъ скорѣе блондиномъ, чѣмъ рыжимъ.

По прїѣздѣ домой, мы съ братомъ конечно сразу-же идемъ

спать. Лежа въ постеляхъ мы еще долго прислушиваемся къ доносящемуся изъ зала веселому шуму. Къ нему-же прислушивается сквозь запретный сонъ и дремлющій на стулѣ въ буфетной Николай рыжій, то и дѣло по звонку бѣгающей на кухню и въ подвалъ — подогрѣть самоваръ, принести бутылку вина.

Ни отецъ, ни мать не были, да и по всему своему происхожденію и воспитанію, не могли быть крѣпостниками. Больше того: они были опредѣленно гуманными людьми, искренне желавшими какъ можно лучше устроить фабричныхъ рабочихъ и домашнюю прислугу. Мать даже любила подчеркивать, что она родилась въ годъ освобожденія крестьянъ, видя въ этомъ обстоятельстве, въ связи со своимъ положеніемъ на фабрикѣ, какое-то особое, возложенное на нее обязательство. Она не только протезировала идеалиста и народника Власова, не только подолгу бесѣдовала о народномъ воспитаніи съ молодымъ священникомъ, академикомъ, смѣнившимъ упитаннаго отца Никанора, имѣвшаго отъ природы гораздо больше склонности къ медицинѣ, чѣмъ къ богословію (въ холерный годъ онъ успѣшно лѣчилъ мужиковъ баклановкой, т. е. водкой съ перцемъ), но и сама всегда ходатайствовала за рабочихъ передъ отцомъ. Очень хорошо помню неопишемое волненіе у насъ въ домѣ, когда завѣдующій фабричнымъ лаккамеромъ, при попустительствѣ отца, заставилъ «дѣвокъ» мыть полъ въ Страстную субботу послѣ ранняго свистка. Маминому возмущенію не было границъ. Въ бурной словесной схваткѣ съ отцомъ она не безъ труда добилась отмены отданнаго распоряженія. Того-же Николая-рыжаго она взяла въ домъ, чтобы помочь ему справиться съ нанесеннымъ ему въ сосѣднемъ помѣстьѣ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, звонкою пощечиной, «влѣпленной» добродушною, но взбалмошною барыней въ его снудую физиономію не за что иное, какъ за эту самую снудость. Не думаю, чтобы доброе мамино намѣреніе было по заслугамъ оцѣнено Николаемъ. Маминаго положенія, что человекъ ни при какихъ условіяхъ нельзя бить по лицу, онъ не раздѣлялъ (самъ дрался) и потому большой разницы между горячей помѣщицей и мамой, пытавшейся разбудить въ немъ «человѣка» и дававшей ему понять, что съ его недопустимо-сонной физиономіей ни до чего въ жизни не дойти, вѣроятно не чувствовалъ, тѣмъ болѣе, что на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ тѣмъ снудымъ судаккомъ, за котораго его всѣ принимали. Впоследствии выяснилось, что на табуреткѣ въ буфетной Николай-рыжій вовсе не дремалъ, а мечталъ, строя уже тогда грандіоз-

ные для деревенскаго лакея планы. Всѣми осмѣянный «рыжій» вышелъ въ большіе люди. Во время войны, одѣтый въ безукоризненный сюртукъ и при золотыхъ часахъ, онъ, въ память своей трехлѣтней службы у насъ въ домѣ, угощалъ меня и еще двухъ молодыхъ поручиковъ, возвращавшихся изъ лазарета на фронтъ, великолѣпнымъ обѣдомъ. Это было въ Клину. Кромѣ Клина Николай держалъ вокзальный буфетъ не то въ Павловскѣ, не то въ Гатчинѣ.

Какъ мама ошибалась въ лицѣ и талантѣ Николая, такъ ошибалась она, вѣроятно, по всей линіи своего отношенія къ народу. Дѣло тутъ было, конечно, не въ ней лично, а во всемъ складѣ социальныхъ взаимоотношеній въ дореволюціонной Россіи. Злосчастность этихъ отношеній была не въ томъ, что господа не любили народа, а въ томъ, что и любя его, они его не знали. Доказать этого я не могу, но чувство какой-то неловкости отъ маминыхъ отношеній съ простолудинами во мнѣ до сихъ поръ осталось. Какъ женщина не очень счастливая въ бракѣ, она съ часто свойственно такимъ женщинамъ внимательностью прислушивалась и присматривалась къ личной жизни своего женскаго персонала. Мнѣ шель вѣроятно уже двѣнадцатый годъ, когда въ такъ называемой «зеленой» гостиной происходило запомнившееся мнѣ таинственное засѣданіе: нѣчто вродѣ суда чести надъ маминюю горничной Лизою, миловидною, изящною дѣвушкой, незаконною, какъ я узналъ впоследствии, дочерью большого петербургскаго барина. (Вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, о гнѣвной и нервной барской крови въ жилахъ громившихъ помѣщичьи усадьбы крестьянъ, лишь мимоходомъ затронутый Бунинымъ въ его «Суходолѣ», представляется мнѣ, къ слову сказать, очень интересно, какъ социологическою, такъ и психологическою темою большевическаго бунта). Съ тревожно замирающимъ сердцемъ, безсознательно уже тянувшимся къ тайнѣ дѣвичьяго грѣха, ходилъ я, помнится, по полутемному корридору, прислушиваясь къ голосамъ за дверью. Мама говорила много и очень взволнованно, Лиза все только всхлипывала, изрѣдка слышались взвизги рѣзкаго голоса неизвѣстной мнѣ женщины полупочтеннаго вида въ кружевной накидкѣ, очевидно матери провинціальнаго донъ-Жуана, похитителя Лизинаго сердца, а можетъ быть и ея чести.

Когда дверь распахнулась, первую вышла мама, въ утреннемъ турецкомъ капотѣ, разстроенная и почти вдохновенная. Ея полная съ тонкимъ запястьемъ рука дружески лежала на передергивающихся отъ сдерживаемыхъ рыданій Лизиныхъ

плечахъ. Лизины родители, кучеръ Дормидонтъ съ женою, какъ то безразлично шли сзади. Прощаясь, они за что-то очень благодарили маму, кланялись, цѣловали руку, но на ихъ простыхъ, и все же непроницаемыхъ лицахъ, молчало выраженіе того пассивнаго осужденія всего того, чему они были свидѣтелями, съ которымъ и крестьяне Ясной Поляны смотрѣли на «блажь» Толстовскаго паханія. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ отмѣненное 35 лѣтъ тому назадъ крѣпостное право фактически продолжало господствовать въ томъ помѣщичьи-фабричномъ укладѣ жизни, который я вѣроятно до конца своихъ дней продолжалъ-бы считать патріархальнымъ раемъ, если-бы не годы окопной, а затѣмъ и революціонной жизни вплотную съ подлиннымъ русскимъ народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, ни за однимъ самодуромъ помѣщикомъ русской народъ никогда не былъ закрѣпленъ такою проклятою, кровавою крѣпью, какъ за Ленинымъ и Сталинымъ. Тѣмъ не менѣе — и въ этомъ величайшій упрекъ всѣмъ намъ, не отстоявшимъ Россіи отъ большевиковъ — большевизмъ осмыслится русскою исторіей, какъ окончательное раскрытіе русскаго народа. Я знаю, до чего трудно согласиться съ этою мыслью: высказывая ее, я чувствую, какъ сердце еще на концѣ пера сопротивляется ея начертанію. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, — не согласившись съ этою парадоксальною мыслью, невозможно хотя-бы въ общихъ чертахъ представить себѣ будущаго облика Россіи. Одна черта этой будущей Россіи кажется мнѣ несомнѣнной: какой-бы въ ней ни выкристаллизовался политическій строй, какой-бы въ ней ни сложился социальный и хозяйственный укладъ, того стараго, дореволюціоннаго народа, который людьми привилегированныхъ классовъ и почти всюю барскою русскою литературою въ гораздо большей степени ощущался какимъ-то природно-народнымъ пейзажемъ, чѣмъ естественнымъ расширеніемъ человѣческой семьи, больше не будетъ. Изъ челоѣконенавистнической, большевнической революціи русской народъ выйдетъ окончательно вочелоѣчившейся стихіей. Разница между людьми высшихъ классовъ и многомилліоннымъ массовымъ народомъ исчезнетъ. Въ Россіи всѣ станутъ людьми, а вся Россія станетъ народомъ.

Благодаря этому перерожденію русская жизнь во многихъ отношеніяхъ станетъ лучше и справедливѣе, но какою-то своею таинственною красотою она оскудѣетъ. Съ исчезновеніемъ народа, какъ стихіи, измѣнится русское чувство природы и померкнетъ своеобразие русскаго искусства.

Вотъ уже шестнадцать лѣтъ, какъ я покинулъ Россію. За эти годы я подолгу живалъ во многихъ прекраснѣйшихъ странахъ. Въ качествѣ добраго европейца я безоговорочно согласенъ признать, что Неаполитанскій заливъ, шхеры Швеціи и Норвегіи, снѣжныя горы Швейцаріи, безконечно живописнѣе Калужской губерніи. Тѣмъ не менѣе я нигдѣ не чувствовалъ открытой гностиками «души природы» съ такою непосредственностью и силою, какъ въ Россіи. Чувствомъ родины этой тайны не объяснишь. Современные нѣмцы, швейцарцы, французы и итальянцы не менѣе русскихъ любятъ природу своихъ странъ, но того остраго, чувственнаго осязанія ея одухотворенной плоти, ея космической души, которымъ такъ значительно даже и не первоклассное русское искусство, у современныхъ европейцевъ уже нѣту, и нѣтъ потому, что въ наиболее цивилизованныхъ странахъ Европы народъ уже давно какъ-бы раскиченъ по отдѣльнымъ индивидуальностямъ. Французскій и нѣмецкій народы — это прежде всего — люди; русскій, дореволюціонный, главнымъ образомъ, крестьянскій народъ — это еще земля. Мнѣ думается, что особая одухотворенность, хочется сказать, человѣчность русской природы есть лишь обратная сторона природности русскаго народа, его глубокой связи съ землей. На этой связи и покоилась наша единственная по щедрости своей шири, по вольности своего дыханія, во многомъ, конечно, грѣшная, но все же прекрасная, барская жизнь.

Жизнь эта убита, ей никогда не воскреснуть. Въ Россіи, быть можетъ, возможно возстановленіе пореволюціонной монархіи, но въ ней невозможно возстановленіе того дореволюціоннаго быта, тоска по которому, что грѣха таить, съ каждымъ годомъ все горше и слаще крѣпнеть въ душѣ. Слава Богу, въ ней крѣпнеть и другая тоска, тоска по тому русскому народу, который, не вѣдая, что творилъ, и не жалѣя себя, покончилъ съ этою жизнью и выбросилъ насъ на чужбину. Даже странно какъ-то: въ дни, когда несправедливые глаза отказываются смотрѣть на пріютившій тебя западно-европейскій міръ, передъ тобою встаютъ не родныя лица оставленныхъ друзей и близкихъ, а милые облики родныхъ калужскихъ мѣстъ, одни излзанія которыхъ: Шани, Шаняны, Шерстово, Кондрово, Ирандово, Угра, — звучатъ въ душѣ непередаваемой въ словахъ, ворожащей музыкой. Подъ эту музыку въ памяти всплываютъ цѣлыя толпы простого народа, окружающаго нашъ домъ, но не сливающагося съ людьми, живущими въ немъ.

Народъ — это вѣчно висящіе на задней садовой калиткѣ вихрастые, ноздрястые, быстроглазые ребята, неустанно волокущіе въ барскій домъ продать за копѣйку все, что попало: шуку, карася, ежа, ужа, сыча и какую-нибудь, по ихъ мнѣнію, диковинную лягушку (всѣ знали, что садовнику было приказано покупать для звѣрница всякую живность). Народъ — это молодья, веселыя бабы съ пѣвучими голосами, приносящія на кухонное крыльцо то рѣшета душистой лѣсной земляники, которой почему-то нѣтъ во всемъ мірѣ, то кошѣлки съ бѣлыми отборными грибами — «безъ единой червоточки». Народъ — это нишенки-лобирушки, глубокія согбенныя старухи съ огромными мѣшками черезъ оба плеча, съ потухшими слезливыми глазами, съ мелко-изсѣченной коричневой кожей на жердьястыхъ, въ пыли и глинѣ ногахъ. Народъ — это пестрыя сѣнокосныя рубахи и цвѣтистые платки, шумно и весело съ громкою заливчатою пѣсню возвращающіеся съ работъ на деревню, это сѣрые, мглистые въ осеннемъ ненастьѣ пахари, то и дѣло оступающіеся одною ногою въ свѣжую борозду, это какіе-то полумифическіе въ овчинныхъ тулупахъ, въ волчихъ и лисьихъ шапкахъ, въ сосульчатыхъ усахъ и бородахъ дѣды Морозы, шагающе рядомъ со своими тяжело нагруженными дровами розвальнями и охлывающе себя громадными желтыми рукавицами. Народъ — это гуськомъ спускавшіеся за мальчишкой поводыремъ съ Масловской горы слѣпые, что закативъ къ небу свои страшныя бѣлмы, ждуть у кухоннаго окна милостыни, оглашая дворъ гнусавымъ пѣніемъ «смердяшаго Лазаря», наполняющимъ мое сердце тоской, жалостью и страхомъ, это говоруньи богомолки, которыхъ поять чаемъ въ буфетной и «бѣглые» монахи Тихоновой пустыни, въ два счета спроваживаемые со двора няней Сашей, почему-то считавшей эту обитель, въ отличие отъ «Оптиной», пристанищемъ всякихъ тунеядцевъ, а то и жуликовъ.

Изъ этой природно-народной стихіи, какъ бы расширяя собою человѣческой міръ знакомыхъ и прислуги, выдѣляются нѣсколько отдѣльныхъ фигуръ. Онѣ не то, что Иванъ Васильевичъ, Афимья, няня Саша и та прислуга, которая пьетъ чай въ «людской», но все же и они для насъ съ братомъ не «простой» народъ, а свои люди.

На огородѣ подъ осенними дождями въ нахлобученномъ рогожномъ кулѣкѣ прилежно пашетъ Афимьинъ мужъ Иванъ, низкорослый, коренастый, бѣлобрысый заика со свинообразнымъ, сконфуженнымъ лицомъ, на которомъ все моргаетъ и

дергается. Время отъ времени фабричная контора рассчитываетъ Ивана за запой, но Афимья, рыдая, клянется мамѣ, что ея мужъ даль зарокъ, больше пить не будетъ, и его опять принимаютъ на службу.

Въ саду, по журавлиному подымая худыя, длинныя ноги, скорѣе всего отъ привычки осторожно переступать черезъ цвѣточные грядки, важно ходить садовникъ Чибистъ, свѣдаемый двумя страстями: нюхательнымъ табакомъ и латинскимъ языкомъ. Онъ увѣренъ, знай онъ всѣ цвѣточные названья по латыни, онъ могъ-бы съ успѣхомъ замѣнить ученаго садовода чеха, который только тѣмъ и беретъ, что курить черныя сигары и называетъ резеду «*reseda odorata*».

Въ заваленной свѣжимъ тесомъ и стружками, пахнувшей смолою, столярнымъ клеемъ и махоркой мастерской при самомъ вѣздѣ на конный дворъ, ловко работаетъ, покрикивая на подмастерьевъ и мальчишекъ, столяръ и телѣжникъ Павелъ Семеновичъ Селиверстовъ. Мужикомъ его не назовешь и даже на мастерового онъ не очень похожъ. Дородный, крупчатый, пухлорукій, онъ по наружности и повадкѣ скорѣе напоминаетъ зажиточнаго мельника или городского лавочника, чѣмъ фабричнаго столяра. Умница и говорунъ, онъ черезъ няню Сашу держитъ связь съ мамой и ловко добываетъ заказы на «любительскую» столярную работу для директорскаго дома (только въ 1919 году обмѣняли мы письменный столъ селиверстовской работы на два пуда ржаной муки). Прирожденный, какъ мнѣ теперь кажется, «лакей буржуазіи», скорѣе всего до смерти ненавидившій всѣхъ насъ (лакейская ненависть — самая злая), Павелъ Семеновичъ, по всей вѣроятности, быстро перекинулся къ большевикамъ и законоводилъ на фабрикѣ. Кончилъ онъ, думается, плохо. Но это уже мои домыслы.

Покровительница Павла Семеновича, Александра Ивановна Баскакова, или попросту няня Саша, уже явно принадлежала къ кругу той человѣческой семьи, въ недрахъ которой взрѣвало наше дѣтство. Какъ я сейчасъ понимаю, эта особая человѣчность няни Саши заключалась не въ ея человѣческихъ достоинствахъ (по чертамъ своего характера Александра Ивановна скорѣе напоминала лукаваго царедворца Шуйскаго, чѣмъ умилительную Арифу Родіоновну), а въ томъ, что вся ея жизнь, въ отличіе отъ жизни другой прислуги, протекала на нашихъ глазахъ. Спала она въ углу дѣтской на огромномъ кованномъ судукѣ подъ тяжелыми, темными образами. Обѣдала въ проходной буфетной за маленькимъ столомъ, покрытымъ клеенкой. Бывали мы и на родинѣ няни Саши: въ Полот-

няномъ заводѣ, имѣніи Гончаровыхъ, со священною Пушкинскою надписью на бесѣдкѣ въ паркѣ. Не разъ посѣщали мы и ея ветхій домъ рядомъ съ кузницей, надъ воротами которой красовался вырѣзанный изъ кровельнаго желѣза черный съ ржавчиной скакунъ. Знали мы хорошо и несложное міросозерцаніе Александры Ивановны: ненависть къ нѣмкѣ Штраусъ и къ вихрастому Ивану Васильевичу, почитительную любовь къ земскому начальнику, князю Мещерскому, державшему крестьянъ въ ежовыхъ рукавицахъ, да къ древнему ветерану турецкой компаніи, георгіевскому кавалеру, никогда не снимавшему своего увѣшаннаго крестами и медалями мундира и отдававшему ей честь со всею четкостью старинной военной выправки. Надо-ли говорить, что наша няня, съ которой я бесѣдовалъ въ послѣдній разъ уже студентомъ, весьма не одобряла маминыхъ лирическихъ интервенцій въ «пакоствія» Лизины дѣла и считала за признакъ мужичьей темноты, что въ день ея Ангела, по распоряженію старшаго кучера Дермидона, ей запрягали для поѣздки въ Полотняный заводъ къ племяннику, державшему тамъ галантерейную лавку, не рессорную коляску, а плетеную телѣжку на дрожинахъ...

Какъ странно и какъ таинственно-непостижимо, что гдѣ-то въ далекой, недоступной, иной разъ кажется, давно уже несуществующей Россіи и посейчасъ еще, быть можетъ, живутъ тѣ самые люди моего дѣтскаго міра, о которомъ я пишу въ Дрезденѣ, смотря на спѣлыя яблоки за окномъ и минутами право не понимая какой мнѣ видится садъ: нашъ ли подмосковный, который въ 1919 году сторожилъ осенними ночами, вспоминая подъ улюлюкиваніе взбаламученной деревни райскія дали кондровскихъ садовъ, или культурный дрезденскій «Arfelgarten», принадлежащій солидному національному нѣмцу, свято вѣряшему въ то, что великій Führer скоро и въ Россіи наведетъ образцовый, нѣмецкій порядокъ... Но объ этомъ лучше не думать... А потому вернемся къ нянѣ Сашѣ.

Самымъ большимъ ея удовольствіемъ были ежегодныя поѣздки на ярмарку въ «Полотняный». Мама этихъ ярмарокъ не любила, но насъ съ Александрой Ивановной отпускала охотно. Передъ ярмаркой мы непременно заѣзжали къ нянинуму племяннику, еще молодому, чернобородому, но старозавѣтному купцу въ сапогахъ бутылками и длиннополымъ черномъ сюртукѣ. Къ чаю съ разными угощеніями (товаръ свой) псадавались и крѣпкія наливки. Опрокинувъ рюмочку, другую, няня брала насъ за руки и мы всѣ трое въ величайшемъ волненіи бѣжали на ярмарку.

Я до сихъ поръ очень люблю народныя гулянья, много шатался по современнымъ, электрофицированнымъ по послѣднему слову науки парижскимъ, мюнхенскимъ и дрезденскимъ ярмаркамъ, но того настроенія, которое насъ съ няней охватывало на выселкахъ Полотнянаго завода, я никогда больше ни въ себѣ, ни въ гуляющемъ народѣ не находилъ. Въ чемъ тутъ тайна, кромѣ тайны дѣтства, сказать не легко, да и не хочется какъ-то вдаваться въ психологію. Скорѣе всего наши ярмарки веселили душу тою первичностью страстей и чувствъ, которыми была такъ сильна, да вѣроятно еще и осталась русская земля.

Боже, съ какою изступенною яростью, божась и ругаясь, торговали мужики лошадей: несчастные меренки и кобылки, съ гикомъ подхлестываемые не только продавцомъ и покупателемъ, но и всѣми непрошенными совѣтчиками и праздными зрителями, какъ ошалѣлые носились взадъ и впередъ передъ сгрудившимся народомъ, а кругомъ, какъ черти, — цыгане. Мы о нихъ уже много слышали страшнаго и тревожнаго: когда они таборомъ стояли въ Шерстовѣ, няня не выходила съ маленькой сестрой за калитку сада (дѣтей крадутъ) и каждый вечеръ вмѣстѣ съ Николаемъ провѣряла серебро въ буфетѣ. По дорогѣ на ярмарку, сидя на козлахъ рядомъ съ Дормидономъ, я узналъ отъ него, что «черномазые» лошади насквозь видятъ, но зато и первые жулики: года на зубахъ выжигаютъ, брюхо через соломинку надуваютъ, а для прыти подъ хвостомъ скилидаромъ мажутъ.

На другомъ концѣ бабы передъ ларьками съ ситцемъ, кушачемъ, позументами, платками, кружевами, баретками... Купцы задуряютъ, ловко разжигаютъ нуждою придушенныя женскія страсти. Александра Ивановна всею душою сочувствуетъ бабамъ и, вспоминая свою молодость, тутъ же рассказываетъ намъ, что не купить бывало силъ нѣтъ, а купить — возвращаться страшно, того гляди мужикъ съ пьяна вожжами отхлещетъ. Я во все глаза смотрю на нее, стараясь представить себѣ дикую расправу: вѣдь няня такая почтенная и всѣми уважаемая женщина!

Меньше народа среди рядами разложеннаго на соломѣ гончарнаго товара, среди возовъ съ яблоками, арбузами, огурцами. Но и тутъ дымъ коромысломъ, галдятъ, какъ воронье по веснѣ. Всякъ кому нужно и не нужно, нагнется къ горшку, къ сенюшкѣ, обстукать согнутымъ пальцемъ — нѣтъ ли какого изъяна.

Съ щегольскихъ кулацкихъ телѣгъ вкусно сыпятся въ большіе мѣшанскіе мѣшки горкой наложенныя мѣры восковой

антоновки. Весело побрякивают у самого уха между мозолистыми ладонями зеленые арбузы. Мнѣ страшно хочется съзорничать: такъ сдавить, чтобы треснулъ, да силы не хватаетъ!

Шумными толпами ходитъ народъ по ярмаркѣ. Больше всего веселится, конечно, молодежь, — парни, дѣвки, подростки, ребятишки. Для нихъ прежде всего и крутятся карусели подь хрипья, щербатая шарманки. Они же шумными компаніями протискиваются къ балаганамъ посмотрѣть на челоуѣка, пожирающаго пламя, на бородатую женщину, на лимонно-желтыхъ, морщинистыхъ липипутомъ или на борьбу «всемирныхъ чемпионовъ», однимъ словомъ на всѣ безсмертные «номера» народныхъ гуляній.

Бойко торгуетъ трактиръ съ забавной выѣской «Сборъ друзей въ березкахъ». Со ступеней его крыльца то и дѣло неуверенно спускаются подь руку подвыпившіе парни, у которыхъ все нараспашку: пиджаки, ворота, глаза, глотки и души. Они весело «пужаютъ» дѣвокъ, которымъ не страшно, и старательно орутъ, выводятъ на весь міръ то грустныя, то лихія пѣсельныя колѣнца. На лицахъ — море по колѣно. Только ли отъ выпитаго вина? Или и отъ того доврчиваго запаха души, безъ котораго невозможно разливное, поднебесное веселье?

Наѣвшись вкусныхъ вяземскихъ пряниковъ и совѣтъ невкусныхъ стрючковъ, попробовавъ сбитня и квасу, накатавшись на карусели, насмотрѣвшись на всѣ «заморскіе» чудеса и ужасы, мы собираемся во-свои. Дормидонъ строго смотритъ съ козелъ и пока няня Саша заботливо укладываетъ свои многочисленные узлы въ задокъ пролетки, какимъ-то не совѣтъ своимъ, смущеннымъ голосомъ увѣщаетъ лошадей не баловать, хотя онѣ не проявляютъ къ тому никакихъ склонностей: вѣрный признакъ, что Дормидонъ слегка навеселѣ. Вначалѣ мы ѣдемъ степенно, не обращая никакого вниманія на спѣшащую мимо насъ мелкоту. Но вотъ сзади подходитъ извѣстный задира, знаменитый медыньскій барышникъ. Обгоняя нашу коляску на тройкѣ крупныхъ, сытыхъ коней, онъ весело подзадариваетъ насъ: «ну-ка, хрѣновскіе!» Дормидонъ быстро перехватываетъ вожжи и по широкому большаку ко всеобщему удовольствію разѣзжающейся ярмарки начинается дикій гонь... Куда? Неужели только «догнать и перегнать Америку»? Согласиться на этотъ большевицкій отвѣтъ значитъ безоговорочно признать, что вся первичность и полетность русскихъ страстей и мыслей, вся неизъяснимая особенность Россіи, никогда не были ея сущностью, а всего лишь

признакомъ ея цивилизаціонной отсталости, какъ еще до большевиковъ утверждала западническая наука: «Пройдетъ-де нѣсколько десятковъ лѣтъ, Россія догонитъ Западъ, заживетъ опрятною, богатою, просвѣщенной жизнью, опомнится и отрѣзветъ». Пусть такъ, но хочется надѣяться, что Россія отрѣзветъ не только дѣляческою трезвостью буржуазнаго Запада, но и тою просвѣтленною трезвостью, безъ которой невозможно преображеніе народной души и устойчивое пареніе духовной культуры надъ экономически-политическими вершинами жизни. Я знаю, не надо пророчествъ и утопій, но не надо и малодушнаго унынія. Безъ вѣры въ очистительную силу страданій, причиняемыхъ міру зломъ, немыслима вѣра въ побѣду добра въ мірѣ, немыслима вѣра въ новую Россію!.

Первые злые раскаты собиравшейся революціонной грозы прогремѣли надъ тихимъ калужскимъ міромъ сразу-же послѣ коронаціи государя императора Николая II-го. Фабрика отпраздновала это событіе съ примѣрною щедростью и въ примѣрномъ порядкѣ. Мама, Любовь Мильевна и другія фабричныя дамы сами раздавали заготовленные на длинныхъ столахъ въ нашемъ саду подарки: по два фунта колбасы, по бутылкѣ водки, по французской булкѣ, женщинамъ выдавались пряники, орѣхи и головные платки. О томъ, выдавать-ли водку, поначалу долго совѣщались. Исправникъ боялся, какъ-бы не перепились и не начали-бы дебоширить. Побѣдили оптимисты и все обошлось очень мирно. Долго послѣ сожженія невиданнаго фейерверка слышалось повсюду нестройное пѣніе, но поутру всѣ во время встали на работу. Мама очень понравилась это интеллигентски-народное братаніе и она, помнится, высказывала мысль, что надо было-бы повторять (безъ водки) такія празднества и по болѣе скромнымъ поводамъ. Черезъ недѣлю, произошло, однако, неожиданное событіе, омрачившее праздничные дни. Только-что поступившій на фабрику молодой, интеллигентный рабочій во время разговора съ писчебумажнымъ мастеромъ Сироткинымъ внезапно набросился на него съ кулаками. Разговоръ у нихъ начался съ Ходынки и очевидно перешелъ на политическія темы. Рабочаго на слѣдующій-же день прогнали за неблагонадежность, дѣло получило широкую огласку. Въ 1905 году Сироткинъ палъ первою жертвою фабричнаго бунта. Сынъ крестьянина, съ малолѣтства увлекавшійся медициной и начавшій свою карьеру съ должности санитаря при фабричной больницѣ, Сироткинъ къ тридцати годамъ дослужился до весьма отвѣтственнаго мѣста старшаго писчебумажнаго мастера. Въ цѣляхъ самообразованія, онъ кромѣ книгъ самаго разнаго

содержанія съ невѣроятнымъ упорствомъ каждую свободную минуту читаль большую энциклопедію Брокгауза и Эфрона. Ему хотѣлось, какъ онъ любилъ говорить, охватить хотя бы «à vol d'oiseau» весь міръ и науку о немъ. Помню его бурные восторги послѣ возвращенія съ ошеломившей его Парижской выставки. Всѣ ужасы, что всѣмъ намъ довелось пережить за послѣднія десятилѣтія, не стерли въ моей памяти злосчастнаго выстрѣла въ спину Сироткина. Въ его лицѣ интеллигентски-пролетарская революція впервые, по крайней мѣрѣ на моей памяти, выстрѣлила въ крѣпкую, дѣльную и даровитую, въ крестьянскую, Ломоносовскую Русь.

Не успѣли у насъ въ домѣ забыть политическаго скандала съ Сироткинымъ, какъ разразилось слѣдующее, гораздо болѣе тяжелое событіе. Служившій у насъ когда-то лакей, болѣзненный, тишайшій человѣкъ съ темными, печальными глазами на блѣдномъ лицѣ, котораго мама рекомендовала въ содѣнное имѣніе на легкое мѣсто, — возить въ креслѣ старую барыню, — какъ будто-бы ни съ того, ни съ сего въ одно дѣйствительно прекрасное, лѣтнее утро взялъ да и перерѣзалъ бритвою горло своей барыни. Какъ и почему все это произошло — осталось не выясненнымъ. Еще недавно, вспоминая этотъ страшный случай, моя мать говорила мнѣ, что ей до нѣкоторой степени понятно, какъ замученный, больной человѣкъ можетъ убить сварливую старуху, но что ей никогда не понять, какъ она, такъ долго присматривавшаяся къ Сергѣю, могла не разглядѣть его подлиннаго лица, какъ могла ручаться за него, какъ за самое себя. «А впрочемъ, прибавила она, смотря на фотографію нашего кондровскаго дома, никто не разглядѣлъ лакейской бритвы въ рукахъ того народа, за который бородалъ и умирала наша интеллигенція! Какъ это могло случиться?» — Да, какъ? Въ попыткѣ отвѣта на этотъ вопросъ заключается, какъ мнѣ кажется, главный смыслъ нашей жизни въ разсѣяніи.

Повѣсть о моемъ милomъ деревенскомъ дѣтствѣ, — о дѣтствѣ, котораго больше уже никому и никогда не пережить въ Россіи, — окончена. Не тосковать о немъ, какъ тому учитъ мудрая строка стариннаго поэта, — я не въ силахъ, но благодарить судьбу за то, что оно мнѣ было даровано, я никогда не перестану. Я говорю съ тоскою — нѣтъ, и съ благодарностью — было.

Ф. Степунъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).